

Среди книг

с Игорем Ефимовым

Как мы все заблудились

О книге Юваля Харари
“Sapiens: Краткая история человечества”

Сегодня ночью я смотрю в окно
и думаю о том, куда зашли мы?
И от чего мы больше далеки:
от православья или эллинизма?
К чему близки мы? Что там, впереди?
Не ждет ли нас теперь другая эра?

Иосиф Бродский

История человечества — какая увлекательная и бескрайняя тема! Долгое время она оставалась в монопольном распоряжении церковных и богословских писаний, которым было запрещено выходить за пределы библейских канонов и истолкований. Но век Просвещения разрушил эту монополию, и одна за другой начали появляться другие книги, предлагавшие свои модели возникновения и развития человеческой цивилизации.

В середине XVIII века Жан-Жак Руссо произвел сенсацию своим трудом “Об общественном договоре”. В веке XIX один за другим следуют трактаты Прудона, Бокля, Гегеля, Маркса, Энгельса, Спенсера. Век XX начался “Закатом Европы” Освальда Шпенглера, а завершился десятитомной эпопеей американского историка Вила Дюранта, которая

была доведена уже до эпохи Наполеона. И вот сегодня огромный успех выпал на долю очередного смельчака, который попытался осветить эту необъятную тему. Молодой израильский историк Юваль Харари опубликовал четырехсотстраничный труд, который уже переведен на десятки языков¹.

Профессор Харари хорошо вооружен знаниями о всех новейших открытиях физики, естествознания, генетики, археологии и прочих наук, связанных с нашим познанием прошлого и настоящего окружающего нас мира. Он также часто опирается на новые тенденции в психологии, эконо-

© Игорь Ефимов, 2020

1. Harari Yuval Noah. *Sapiens: A Brief History of Humankind*. New York: Harper Collins, 2015. В дальнейшем сноски к этому изданию даются указанием номера страницы.

мике, социологии, то есть в науках, нацеленных на изучение человека и человеческих сообществ. Он почти не ссылается на труды своих предшественников (в книге нет библиографии), но продолжает главную традицию всех мыслителей, добившихся широкого признания: центральным тезисом остается тема ошибочности пути, избранного человеческой цивилизацией.

Вслед за Руссо Харари создает образ счастливого беспечного дикаря, жившего охотой и сбором ягод и ракушек до того рокового момента, когда люди ступили на путь земледелия.

Вслед за Пруденом объявляет аморальной саму идею создания государства, приравнивает сбор налогов к гангстерскому рэкету, а разделение людей на управляющих и управляемых — злонамеренной узурпацией, чреватой для всех управляемых муками неравенства.

Вслед за Гегелем отбрасывает все религиозные искания человечества, клеймит их “промыванием мозгов”, проводимым в корыстных целях правящей элитой, тормозящим победу лозунга “все существующее — разумно”.

Вслед за Марксом интерпретирует процесс распространения цивилизации по земному шару как “империализм, колониализм, эксплуатацию покоренных народов”.

Вслед за Львом Толстым призывает науку заняться, наконец, изучением самого важного вопроса: что делает всех людей счастливыми?

Если достижение счастья всеми людьми мы объявим це-

лью человеческой цивилизации, то придется признать, что цель эта достигнута не была, и, значит, ход цивилизации оказался ошибочным. “Человечеству нечем гордиться”, — объявляет автор в эпилоге.

В романе “Война и мир” Толстой вкладывает в уста князя Андрея такую сентенцию: “Я знаю только два зла на свете: болезни и угрызения совести. А счастье — это просто отсутствие обоих зол”. Профессору Харари, как и Толстому, не довелось испытать муки голода, поэтому ему легко обходить молчанием ту проблему, которая была главной для миллионов “счастливых охотников” до перехода к земледелию. Им было не до поисков счастья. Как не умереть с голода и как уберечься от копья, палицы, ножа иноплеменника — вот что оставалось первоочередной задачей.

Руссо, сочиняя своего “естественного человека”, имел слишком мало сведений о жизни диких племен. У профессора Харари такого оправдания нет. За два прошедших века существование дикарей и индейцев было изучено и описано сотнями и тысячами путешественников, миссионеров, торговцев, имевших с ними прямой контакт. Те племена, которые начали освоение земледелия, имели достаточно продовольствия, чтобы даже одаривать им белых пришельцев. Те, которые оставались на стадии охоты, могли наброситься на внутренности оленя, выброшенные на привале американскими исследователями Льюисом и Кларком, и начать тут же жадно пожирать их сы-

рыми. Но занятия земледелием лишали племя мобильности, делали его уязвимым для внешних нападений, поэтому его шансы на выживание резко уменьшались.

Отдадим должное профессору Харари: он порой приводит сведения, бросающие тень на образ “счастливого охотника”. В его книге, например, цитируются рассказы антропологов, изучавших в 1960-е годы племя аче, живущее в джунглях Парагвая. У этого племени было в обычае убивать без лишних разговоров состарившихся, ослабевших, больных. Один воин признался, что он не раз убивал собственных теток и что женщины его боялись. Детей могли убивать, потому что они плакали слишком громко, или имели какое-то увечье, или родились без волос. После смерти вождя принято было убить молодую девушку, чтобы положить ее в могилу умершего. Но тут же честный профессор призывает своих читателей не судить туземцев слишком строго, потому что они смотрят на свои обычаи так, как многие жители цивилизованных стран смотрят на аборты и эвтаназию.

Какие же силы увели людей на “ложный” путь развития земледелия? Профессор Харари считает главным виновником ту легкость, с которой мы поддаемся всевозможным иллюзиям и оболоченьям, устремляемся в погоню за миражами. Все, в чем разные индивидуумы находят смысл жизни, оборачивается иллюзией. “Ученый, который объявляет, что его жизнь (полит-

корректный автор пишет “ее жизнь”) осмыслена, потому что он-она увеличивает сумму человеческих знаний, солдат, находящий смысл в защите отечества, предприниматель, создающий новую компанию, — все они так же гонятся за миражами, как люди Средневековья, которые находили смысл в чтении Священного писания, участии в крестовых походах, строительстве нового собора”.

В 1776 году до Р. Х. в древневавилонском царстве был обнародован свод законов царя Хаммурапи, и дальше вавилонцы подчинялись этой иллюзии сотни лет. А в году 1776 от Р. Х. мир был заморожен другой иллюзией — американской Декларацией независимости — и теперь пытается следовать ее параграфам и посылатам.

Автор книги “Сапиенс” абсолютно уверен, что доисторические люди жили лучше, чем земледельцы. Они проводили время в более легких, увлекательных и разнообразных занятиях. Земледелец же должен трудиться над своими посевами с утра до вечера. Да, сельскохозяйственная революция привела к суммарному увеличению производимого продовольствия, но это вызвало перенаселенность и, как следствие, — ухудшение питания для большинства людей. Она явилась самым большим просчетом в человеческой истории.

Профессор Харари полон сочувствия заблудившемуся и страждущему человечеству, желая помочь ему вернуться на “правильный” путь. В

этом он похож на старого волшебника Хоттабыча из детской книжки, которой мы зачитывались в детстве. Тот просидел в медном сосуде три тысячи лет, был выпущен на волю советским школьником, случайно нашедшим сосуд, и из благодарности рвался всем помогать, но не всегда правильно понимал, чего хотят люди. Например, однажды он попал на футбольный матч. Увидев, как два десятка молодых людей отчаянно сражаются за невзрачный футбольный мяч, Хоттабыч пожалел их, выдернул из бороды три седых волоска, пробормотал заклинание, и тотчас на зеленую траву с неба упали двадцать два одинаковых мяча, чтобы каждый мог вволю наиграться собственной игрушкой. Пропустив три тысячи лет человеческой истории, Хоттабыч не мог себе представить, чтобы кто-то мог наслаждаться именно напряженным спортивным противоборством, да еще вызывать этим радостное волнение в сердцах тысяч зрителей на трибунах стадиона.

В глазах профессора Харари главным несчастьем человека является необходимость трудиться. Чем больше он трудится, тем горше его жизнь. Этот критерий используется повсеместно для сравнения жизни разных народов в разные эпохи. Тут автор сильно расходится с теоретиками марксизма-ленинизма. Он явно не готов подписаться под лозунгом “владыкой мира будет труд”.

Маркс, создавая модель рыночной экономики, объявил частного собственника бесполезным паразитом, живущим за

счет труда других. Признать, что собственник выполняет важнейшую функцию регулирования производства в соответствии с законами спроса и потребления, он не мог — это выбивало из постройки краеугольный камень: тезис благотворности классовой борьбы. Миллионы людей поверили и продолжают верить тому, что назначенный чиновник может справиться с задачей регулирования не хуже собственника, несмотря на все провалы социалистической экономики, случившиеся за прошедшее столетие. (В советское время появился анекдот о Марксе, которому разрешили короткое выступление на московском радио, и он прокричал только одну фразу: “Пролетарии всех стран — простите меня!”.)

Профессор Харари не менее решительно проделал хирургическую операцию над мировой историей. Чтобы избежать катастрофического столкновения своих постулатов, он удалил из рассмотрения важнейшие события, сотрясавшие мир в течение тысячелетий. Книге предпослана хронологическая таблица. В ней земледельческая революция отнесена к дате 10 000 лет до Р. Х., а возникновение первых царств и империй — к году примерно 3000-му. Но эта схема абсолютно расходится с исторической реальностью.

Переход к земледелию совершался не скачкообразной революцией, а многовековым противоборством, включавшим войны, нашествия, террор. Главным антиподом земледельцу выступал вовсе не охотник, а гораздо чаще — козевник-скотовод.

Первые земледельческие империи строились не при помощи увеличения площади огородов и посевов. Сельское хозяйство Египта, Шумера, Индии, Китая было ирригационным. В империи инков дождей выпадало так мало, что поля приходилось орошать водой с гор, доставляя ее по акведукам, которые еще разрушались землетрясениями почти каждые двадцать лет. Сельское хозяйство империй требовало невероятно сложной организации населения для строительства оросительных каналов, шлюзов, дамб, акведуков. Альтернативой ему был не охотничий уклад, а кочевое скотоводство. Утрачивая мобильность, земледельческие народы становились легким объектом для нападений кочевников. Выдержать эти атаки могли только страны, которые, параллельно с земледелием, достигли кардинальных успехов в строительстве крепостей и производстве оружия. Все остальные были сметены военными ураганами, которые заполняют историю трех тысячелетий.

VII–VI век до Р. Х. – персидские кочевые племена атакуют королевство мидян, а царь Кир захватывает процветающий Вавилон.

VI–V века – теперь уже кочевники-скифы нападают на Персидскую империю.

V–IV века – Римская республика с трудом отбивается от нашествия галлов-кельтов.

III век – кочевники гунны терзают северный Китай.

Первые четыре века Римской империи – нескончаемые войны с нападающими германцами, маркоманами,

сарматами, гуннами и другими.

V–VI века от Р. Х. – Византия с трудом отбивается от племен булгар, славян, аваров, а в VII–VIII веке – от арабских племен, объединенных пророком Магометом.

Нашествия турок-османов, турок-сельджуков, монголов продолжали перекраивать карту мира еще в течение многих веков. Иногда кочевники воцарялись в покоренных империях, учреждали свои правящие династии. Но в начальный период они просто поголовно уничтожали всех земледельцев. Наоборот, если на их пути попадались мелкие кочевые племена, они присоединяли их к своей армии, обучали военной дисциплине и тактике конных сражений.

В этот же период мы наблюдаем нескончаемую борьбу внутри кочевых племен вокруг вопроса: сохранять ли приволье кочевой жизни или перейти на более трудный земледельческий уклад, который сулил несравненно больше жизненного комфорта. Уже в книгах Ветхого Завета мы находим подробные описания внутренних раздоров иудейских племен, переходивших от кочевого состояния к оседлому земледелию и созданию собственного царства. Аналогичная борьба шла у скифских племен в V–III веках до Р. Х. (эти так и не сумели создать государство). Юлий Цезарь подробно описывает внутренние конфликты у галлов и германцев все по тому же вопросу. Кочевая империя гуннов в какой-то момент раскололась на южных и север-

ных, готы — на вестготов и остготов, татаро-монголы — на Золотую Орду и Казанское царство.

Нам остается только гадать, почему профессор Харари исключил этот важнейший срез мировой истории из своего исследования. Не потому ли, что в контексте его центральной концепции — “земледелие было ошибкой” — Аттила, Чингисхан, Батый, Тамерлан начинали выглядеть благодетелями человечества, пытавшимися удержать его от “неправильного выбора пути”? Или потому, что начинали трещать обвинения, выдвигаемые профессором против империй? Получалось, что они были не жадными безжалостными завоевателями, а наоборот — жертвами кровавых нашествий, от которых нужно было всеми силами защищаться.

Постепенный переход человечества от охотничьей и кочевой стадии к оседлому земледелию осуществлялся не путем обсуждений и референдумов. Он протекал путем долгой и кровопролитной борьбы, которая раскалывала не только целые народы, но и отдельные племена и даже семьи. Ту же картину мы наблюдаем сегодня, когда трудный переход в индустриальную стадию рождает неодолимую вражду между людьми, сделавшими разный выбор, а также между отставшими и ушедшими вперед. Если люди идут на смерть, отстаивая выбранный ими уклад жизни, правомочно ли продолжать называть их выбор “погоней за миражом”?

Так как профессор Харари считает человеческое счастье величиной, поддающейся изме-

рению, он очень любит оперировать данными статистики. Да, иногда он оговаривается и допускает, что какие-то цифры мы имеем в весьма расплывчатых пределах. Сколько людей погибло в Китае во времена “большого скачка” и “культурной революции”? От 10 до 50 миллионов, говорит он. Но данные по XXI веку кажутся ему гораздо более достоверными. Вот базирующаяся в Женеве Всемирная организация здравоохранения (World Health Organization) публикует данные о том, что из 60 миллионов людей, умирающих ежегодно, только 1,5 % гибнут от войн и насильственных преступлений, и это меньше, чем число погибающих в автомобильных авариях и кончающих с собой.

Каким образом можно из Женевы узнать и подсчитать число погибающих в Дарфуре, Руанде, Ливии, Сирии, Йемене, Афганистане — не совсем ясно. Но наука статистика вырабатывает свои правила и свои критерии и уже дошла до того, что расположила страны на шкале, характеризующей уровень счастья. По последним данным этого обследования, учитывающего уровень экономики, здравоохранения, образования, культуры, охраны прав человека, на первое место недавно вышла Финляндия. Увы, то же обследование обнаружило, что эта страна также находится на первом месте по числу самоубийств на душу населения. Видно, финны еще не сумели по-настоящему осознать уровень доставшегося им счастья.

В личной и общественной жизни профессор Харари уде-

ляет много внимания защите животных. А в своей книге часто рассуждает о том, каких животных можно считать счастливыми, а каких — нет. И тут человечеству выносятся суровый обвинительный приговор: “За последние два столетия миллиарды животных подверглись режиму аграрно-индустриальной эксплуатации, жестокость которой не сравнима ни с чем... Это можно считать самым страшным преступлением в истории”.

Достижения искусств не вызывают большого энтузиазма у профессора Харари. Он вообще не склонен восхищаться чем бы то ни было — ведь это было бы так ненаучно. Мельком упоминаются имена десятка великих писателей, но на страницах книги мы не встретим ни одного композитора, художника, архитектора, режиссера, скульптора. Эти лакуны говорят нам об авторе больше, чем все статьи о нем. Но невероятный массовый успех книги “Краткая история человечества” по-новому приоткрывает нам много важных черт самого человечества, которые в этом труде не получили достаточного освещения.

Начать с того, что это одна из самых коротких книг на данную тему. Ликование ее читателей можно сравнить с радостью школьников, которым новый учитель объявил, что к экзаменам можно будет готовиться не по толстому учебнику, а по тонкой тетрадке выписок, сделанных им из разных источников.

Если вы готовы разделить убежденность Харари в том,

что войны, крестовые походы, революции, террор есть результат человеческих увлечений миражами, у вас ослабевает чувство страха и безнадёжности по отношению к этим бедствиям, появляется надежда на то, что научными объяснениями миражи можно будет разрушать и бедствия предотвращать.

Декарт говорил: “Мыслию, следовательно, существую”. Профессор Харари мог бы сделать своим девизом другую краткую формулу: “Неведомым и непостижимым не интересуюсь”. Нигде в своей книге он не делится с нами историей своего противоборства с загадками бытия. Гегелевское “все существующее разумно” пронизывает текст, передается читателю, разгоняет наши страхи. Страх перед неведомым отступает, и достигается обезболивающий эффект, который в свое время принес такой успех книгам Гегеля. Сегодня все, что происходит с человеком, можно объяснить через открытие ДНК, генов, нейронов. Биологи даже утверждают, что счастье определяется сочетанием в нашем мозгу таких веществ, как серотонин, допамин и окситоген. Остается только дожидаться, когда эти вещества станут доступны в виде таблеток на аптечных прилавках.

Когда нас восхищает что-то в природе или в человеческом творчестве, в душе, даже лишённой религиозных чувств, рождается подсознательный импульс благодарности за минуту счастливого созерцания. Но в гордом человеке благодарность может переживаться

как тягостная обязанность. У гордого японского народа обыденное “благодарю вас” переводится на русский язык как “вы сделали меня несчастным на всю жизнь”. Разве не славно было бы брать пример с профессора Харари и подавлять нашу опасную привычку восхищаться прекрасным, достойным, героическим?

Как отраднo узнать от знающего и образованного профессора, что мы никому не обязаны благодарностью! Ни прежним поколениям, которые завели нас в аграрно-индустриальный тупик. Ни пророкам, художникам и ученым, которые просто искали способ самоутвердиться поисками смысла жизни для самих себя. Ни тем более Творцу всего живого, потому что его просто не существует на свете, а все сотворено эволюцией и естественным отбором.

К этой теме Харари возвращается снова и снова. Дарвин упоминается на страницах его книги раз двадцать, порой — с нежностью. В одном интервью он сознается, что “Происхождение видов” для него гораздо важнее Библии. Кто наградил жирафа такой длинной шеей? Конечно, естественный отбор, который позволял длинношеим удачникам дотягиваться до листьев на высоких деревьях. Каким образом естественный отбор мог сконструировать тончайшие кровеносные сосуды в теле животного, одарить его зрением, слухом, обонянием, создать железы внутренней секреции, сложнейшую нервную систему — этими вопросами последователи Дарвина не интере-

суются. Для них главное: посярамить сторонников идеи Творения, а для этого шея жирафа вполне довольно.

В этом плане очень показательным является равнодушие Юваля Харари к истории искусства. Статуя Венеры Милосской, “Джоконда” Леонардо да Винчи, “Адажио” Альбини, драмы Шекспира живут в том царстве, в котором главный рабочий инструмент рационалиста — вопрос “почему?” — теряет всякий смысл. Здесь процесс Творчества являет себя так наглядно, что объявить его миражом может только тот, кто никогда не испытал счастья при звуках моцартовской сонаты, при прочтении стихотворной строфы, на представлении греческой трагедии. Профессор Харари призывает “изучать историю счастья”, но счастье, даруемое человеку произведением искусства, ему незнакомо. Поэтому проще будет просто выкинуть всех служителей Аполлона из краткой истории человечества.

Идея Творения опасна еще и тем, что с ней неразрывно связаны смутное чувство греховности и угрызания совести. Профессор Харари поможет нам справиться и с этими отрицательными эмоциями, так мешающими достижению счастья. Понятие греха — это просто очередной мираж, которым неосторожно увлеклось человечество, обделенное правильной научной информацией. Взять тех же нацистов. Их унесло в противоположную крайность. Они так увлеклись идеей эволюции, что сочли своим долгом помогать ей, уничтожая неполно-

ценные расы, увечных, недоразвитых. И вряд ли их могло бы остановить сознание греховности совершаемого.

Вообще же любой национализм в глазах профессора Харари — это самая всеобъемлющая и властная иллюзия. “Она заставляет нас вообразить, что миллионы незнакомцев принадлежат к тому же сообществу, что и мы, что все мы имеем общее прошлое, общие интересы и общее будущее. Это не ложь. Это воображение... До тех пор пока миллионы немцев верят в существование германской нации, хранят германские национальные мифы и готовы жертвовать деньгами, временем и жизнью за германскую нацию, Германия будет оставаться одной из мощнейших сил на свете”.

Думается, что в глазах миллионов восторженных читателей этой книги ее автор выглядит новым Моисеем, зовущим избранный народ к бегству из аграрно-индустриального рабства. На строго научных аргументах он обещает избавление от страха перед войнами и террором, от тягостной обязанности благодарности, от стыда за собственную греховность, от мук совести — ведь это всё иллюзии. Есть у него и картина Земли обетованной.

“Люди освобождаются от страданий не тогда, когда они испытывают то или иное недолговечное удовольствие, а только тогда, когда они осознают мимолетность всех своих ощущений и перестают страстно желать их. Это и есть цель буддистской медитации. Ее цель — вглядываться в собственный мозг и тело, наблю-

дать нескончаемую смену взлетов и падений своих эмоций и осознавать их бесцельность. Когда погоня за ними прекращается, мозг становится очищенным, спокойным, удовлетворенным... Вы начинаете жить текущим моментом, вместо того чтобы фантазировать о том, что может случиться. Вы обретаете такую безмятежность, которую едва могут вообразить себе те, кто продолжает погоню за мимолетными приятными ощущениями”.

Но если взглядеться внимательнее, мы увидим, что Юваль Харари больше похож все на того же Старика Хоттабыча, чем на Моисея. Вождь, ведущий за собой народ, знает, что жажда борьбы и схватки — неотъемлемая часть человеческой природы, что она есть часть порыва к свободе, вложенного в наши души. Чтобы не видеть этого, нужно уметь выбрасывать из сознания память о тысячелетиях мировой истории. Буддистское “перестаньте желать и тогда вы достигнете блаженства” доступно лишь для меньшинства, которое в христианстве может удалиться в монастыри, в мусульманстве — в суфизм, в иудаизме — в ортодоксию. Большинство же будет продолжать жить, как Фауст, про которого Гёте сказал:

Он рвется в бой, и любит брать
преграды,
И видит цель, манящую вдали,
И требует у неба звезд в награду
И лучших наслаждений у земли,
И век ему с душой не будет сладу,
К чему бы поиски ни привели.

Но слова “душа” нет в словаре профессора Харари — только “мозг”.

Сострадательный читатель может спросить себя: “А вдруг в какой-то момент профессор Харари осознает, что и его теорию легко можно объявить очередной иллюзией?” Но нет, об этом можно не беспокоиться. Видимо, предвидя такую возможность, профессор уже успел сменить

роль историка на роль пророка и опубликовал новую книгу: “Homo Deus. A Brief History of Tomorrow”. (“Богочеловек. Краткая история будущего”). Можно ожидать, что там безудержные фантазии знаменитого автора вырвутся из тесных рамок исторических аналогов и он одарит благодарного читателя фонтаном новых ярких и обезболивающих озарений.